

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

Интервью
УДК 343.8(047.53)
doi: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.575-589

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО: ДОКТРИНА, ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ – ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ СИБИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ПАВЛОМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ТЕПЛЯШИНЫМ

Наталья Сергеевна Малолеткина¹

¹ Самарский юридический институт ФСИН России, г. Самара, Россия, levkovka707@mail.ru

Для цитирования

Малолеткина Н. С. Уголовно-исполнительное право: доктрина, трансформация и перспективы развития – интервью с профессором кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России Павлом Владимировичем Тепляшиным // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 4. С. 575–589. DOI : 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.575-589.

INTERVIEWS WITH LEADING PENITENTIARY SCIENTISTS

Interview

PENAL ENFORCEMENT LAW: DOCTRINE, TRANSFORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS – INTERVIEW WITH PAVEL VLADIMIROVICH TEPLYASHIN, PROFESSOR OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY AT THE SIBERIAN LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Natal'ja Sergeevna Maloletkina¹

¹ Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, levkovka707@mail.ru

For citation

Maloetkina, N. S. 2023, 'Penal enforcement law: doctrine, transformation and development prospects – interview with Pavel Vladimirovich Teplyashin, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia', *Penal law*, vol. 18(1–4), iss. 4, pp. 575–589, doi: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.575-589.

Краткая биографическая справка

Павел Владимирович Тепляшин родился 10 января 1977 г. в селе Чалбышево Енисейского района Красноярского края. В 1994 г. окончил среднюю школу, в 1998 г. – Красноярскую высшую школу МВД России.

В 1998–2000 гг. работал следователем следственного отдела ОВД г. Енисейска и Енисейского района Красноярского края, на учебно-методических должностях Красноярской высшей школы МВД России. С 2000 по 2002 год обучался в очной адъюнктуре Сибирского юридического института МВД России (бывшая Красноярская высшая школа МВД России).

В 2002 г. в Омской академии МВД России защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы» по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-

исполнительное право. В 2006 г. получил ученое звание доцента по кафедре уголовного права и криминологии. В 2019 г. в объединенном совете, созданном на базе Сибирского

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

федерального университета, Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Дальневосточного федерального университета, защитил докторскую диссертацию на тему «Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование)» по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. В 2023 г. получил ученое звание профессора по научной специальности «Уголовно-правовые науки».

В 2002–2011 гг. работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), затем доцентом, начальником организационно-научного и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института ФСКН России (г. Красноярск). С 2017 г. по настоящее время – профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России.

Является членом редакционной коллегии ряда журналов («Вестник Кузбасского института», «Вестник Владимирского юридического института», «Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России»), а также членом редакционного совета журнала «Вестник Сибирского юридического института МВД России», которые входят в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук.

Имеет 2-й разряд по дзюдо. Любит играть в шахматы, читать классическую литературу. Женат. Имеет дочь. Область научных интересов: пенитенциарная компаративистика; неолиберальное развитие пенитенциарных систем; общественный контроль за обеспечением прав осужденных; воспитательная работа с осужденными, отбывающими лишение свободы; политика «враждебной пенологии»; государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере; пробация; криминологическая профилактика наркопреступности.

Является автором (соавтором) более 480 научных и учебно-методических работ, в том числе 19 монографий, 8 учебных пособий, более 10 научных статей в изданиях, входящих в международные индексы цитирования (Scopus и Web of Science), и более 150 статей в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук.

Наиболее значимые монографические работы:

Тепляшин П. В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем : монография. М. : Юрлитинформ, 2020;

Мальков С. М., Шеслер А. В., Тепляшин П. В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации : монография. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018;

Европейские пенитенциарные системы : монография. М. : Юрлитинформ, 2018;

Злотников С. А., Тепляшин П. В. Правовое регулирование подготовки осужденных, отбывающих лишение свободы, к освобождению : монография. Красноярск : Сибирский юридический институт ФСКН России, 2014;

Тепляшин П. В. Реализация метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке и уголовно-исполнительном законодательстве России : монография. Красноярск : Сибирский юридический институт ФСКН России, 2013;

Тепляшин П. В. Влияние международного пенитенциарного права на реформу уголовно-исполнительной системы России : монография. Красноярск : Сибирский юридический институт ФСКН России, 2012;

Истоки и развитие английского тюремоведения : монография. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2005.

Интервью

– Как Вы пришли в юриспруденцию?

В старших классах общеобразовательной школы моими любимыми предметами стали «История», «Литература», «Русский язык». «География», то есть дисциплины гуманитарного профиля. Это выступило одним из оснований дальнейшего выбора направленности высшего образования. Кроме чтения и внеклассного углубленного изучения истории и географии, моим большим увлечением был баскетбол (видимо, в угоду роста 184 см), настольный теннис и лыжи, поэтому будущая профессия виделась в ракурсе ее физической составляющей. Более того, мой брат Иван, с которым мы учились в одном классе, был со мной солидарен. Как результат выбор пал на профессию сотрудника правоохранительных органов (именно так мне представлялась эта профессия). Мои родители – Владимир Романович и Венера Романовна единодушно поддержали меня с братом, и в 1994 г. мы поступили в Красноярскую высшую школу МВД России.

По настоящее время выбор высшего учебного заведения для поступления не вызывает у меня никаких сомнений. Учиться было интересно, поскольку, кроме собственно изучения юриспруденции, приходилось заниматься строевой, физической, огневой и специальной подготовкой, ходить в наряды, патрулировать улицы Красноярска, выезжать на оцепления. Эти годы я вспоминаю с особой теплотой, а со своими товарищами по учебной группе поддерживаю дружеские отношения и сегодня.

– Кто из Ваших учителей (педагогов, ученых или близких) повлиял на Ваше становление как одного из ведущих ученых в юриспруденции?

Обучаясь в 1994–1998 гг. в Красноярской высшей школе МВД России, я стал интересоваться вопросами уголовной ответственности за преступления против правосудия. Быстрее всего меня сподвигли на это яркие и живые лекции доктора юридических наук, профессора Александра Соломоновича Горелика, который читал на третьем курсе лекции по некоторым темам из Особенной части уголовного права. Необычно насыщенно и энергично семинарские и практические занятия по уголовному праву и проблемам квалификации преступлений вела старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ирина Юрьевна Бунева. Непосредственно под ее руководством я стал выступать на студенческих конференциях и готовить научные тезисы. После окончания вуза я не терял связи с кафедрой и через некоторое время принял предложение ее начальника Александра Викторовича Шеслера поступить в адъюнктуру и впоследствии работать на кафедре.

Не могу не сказать о Николае Васильевиче Щедрине, с которым меня свела судьба еще в конце 1990-х годов. Этот человек пленил меня не только глубокими знаниями в юриспруденции, но и душевными качествами, невероятным трудолюбием и непревзойденным чувством юмора. Хотелось равняться на него, поэтому своим творческим вдохновением я обязан и Николаю Васильевичу. Кстати, научным консультантом по моей докторской выступил как раз Николай Васильевич.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

– Что повлияло на то, что Вашим основным профилем стало именно уголовно-исполнительное право, а не, например, уголовное или какое-то другое?

При поступлении в адъюнктуру меня пригласил к себе начальник Сибирского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор Владимир Ильич Горобцов с предложением быть моим научным руководителем по кандидатской диссертации. Владимир Ильич являлся видным представителем отечественной уголовно-исполнительной (исправительно-трудовой) науки. В тот период в условиях постсоветской череды сменяющих друг друга реформ уголовно-исполнительной системы и законодательства теоретические воззрения этого ученого можно охарактеризовать как дальновидные взгляды на развитие доктринального обоснования и практического воплощения успешной реализации исправительного и профилактического воздействия на осужденных лиц. Владимир Ильич сказал мне, что круг его научных интересов не охватывает проблемы квалификации преступлений, поэтому был найден компромиссный вариант – особенности уголовной ответственности за уклонение осужденного от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ). Таким образом, начиная с кандидатской диссертации мне был задан первоначальный крен в сторону частичного исследования проблем, находящихся в русле уголовно-исполнительного права.

После защиты диссертации я выиграл конкурс на заграничную стажировку и с сентября 2002 по июль 2023 года проходил научную стажировку в Лестерском университете Великобритании с углубленным изучением британской и мировой пенологии, английской стратегии тюремного реформирования, посещением ряда английских пенитенциарных учреждений и судебных органов. Сразу бросилось в глаза то обстоятельство, что бытующая в отечественной уголовно-исполнительной науке романтизация и даже идеализация зарубежной пенитенциарной действительности является голой апологетикой и, по сути, безосновательным затушевыванием собственных исторических традиций, бичеванием российской системы исполнения уголовных наказаний.

Вернувшись в Россию, я обнаружил, что отсутствует научно обоснованный механизм уголовно-исполнительной оценки оснований, условий, форм и пределов учета зарубежного опыта в формировании и реализации отечественной уголовно-исполнительной политики. Захотелось развеять идеологический рефрен о европейском пенитенциарном благополучии и исключительно образцовых моделях исполнения наказаний, сформировать среди научной общественности более адекватное представление о действительном состоянии функционирования исправительных учреждений зарубежных государств. Тогда мне представлялось, что иначе отечественная модель обращения с осужденными рискует остаться во власти стихийных процессов слепого заимствования зарубежных и международных пенитенциарных стандартов, практик и эталонов, сплошных верификаций и экспериментов без необходимых смысловых ориентиров и исторически апробированных форм правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Такие рассуждения придали мне дополнительную энергию для исследования реальных и действительно перспективных направлений развития уголовно-исполнительного права. С этого момента и началось мое движение в сторону изучения соответствующих проблем уголовно-исполнительного права. Кстати, начиная с 2003/04 учебного года одной из основных преподаваемых мною учебных дисциплин стало «Уголовно-исполнительное право».

– Как Вы считаете, какие направления сейчас наиболее актуальны в современном уголовно-исполнительном праве? Что требует более детального изучения?

Прежде чем ответить на данный вопрос, отмечу важность планомерной реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция). Критических замечаний со стороны научного сообщества в адрес данного документа, как говорится, «хоть отбавляй», и с некоторыми из них я согласен. Однако Концепция задает стратегический вектор развития современной сферы исполнения уголовных наказаний на фоне достаточно адекватной оценки вызовов, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, дает достаточно внятный ответ на понимание своих целей, содержит не только ключевые идеи (в частности, создание учреждений объединенного типа, развитие системы пробации), направления совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы, отраженные в разделе IV, но и руководящие установки на социальную защищенность сотрудников уголовно-исполнительной системы и обеспечение престижа их службы. Таким образом, в документе делается историческая попытка развернуть уголовно-исполнительную систему России лицом к обществу. Ведь престиж службы – это соответствующая оценка такого рода деятельности народом!

Для социально значимого и исторически обусловленного развития уголовно-исполнительного права целесообразно двигаться по следующим основным направлениям.

Первое. Обеспечение максимального сближения уголовно-исполнительной системы с социальными потребностями, настроениями населения и воззрениями гражданского общества. Необходимо исключить любые иллюзии относительно существования «своего» пути, поскольку развитие уголовно-исполнительной системы будет иметь прогрессивный характер только при условии ее «вживления» в современный механизм удовлетворения потребностей общества и государства. Согласен с тем, что истинные потребности общества сложно разглядеть, но необходимо чувствовать его настроение и ожидания. Можно придерживаться следующего изречения: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Например, следует крайне осторожно оперировать такой категорией, как «гуманизация», относительно которой, как известно, существует крайне неоднозначное общественное мнение. Использование данной категории действительно выступает одним из современных трендов уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, что обусловлено, с одной стороны, общим цивилизационным стремлением государства повысить планку человечности при исполнении уголовных наказаний, с другой – влиянием международных пенитенциарных стандартов и правил. Так, положение о том, что все «заключенные должны пользоваться уважительным отношением вследствие присутствующего им достоинства и их ценности как человеческой личности» содержится в правиле 1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными. Однако нельзя забывать о самобытности отечественного опыта обращения с осужденными и об обоснованном парировании европейских пенитенциарных эталонов. Огульное провозглашение идей гуманизма в реформировании уголовно-исполнительной системы – это уже далеко заиндевелая практика. Требуется унифицированно и более конкретно подходить к использованию категории «гуманизация» в Концепции, в которой используется значительный перечень таких словосочетаний, как «гуманизация законодательства Российской Федерации», «гуманизация условий отбывания наказаний и мер пресечения», «совершенствование уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации», «гуманизация уголовно-исполнительной политики». Кроме того, в Концепции наблюдается «задвоение» гуманизации, а именно как цели Концепции

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

и уголовно-исполнительной политики. Причем в первом случае горизонты гуманизации охватывают авангардные уголовно-исполнительные проекты (например, старт функционирования учреждений объединенного типа), тогда как во втором случае гуманизация – это стержень, на котором держится вся политика государства в сфере исполнения уголовных наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера и мер пресечения. Иными словами, гуманизация в рамках Концепции носит характер «межевых столбов», а в границах уголовно-исполнительной политики – «краеугольного камня». Смешивать эти аспекты гуманизации недопустимо. Согласитесь, что при таком использовании категории «гуманизация» крайне сложно завоевать доверие обычных граждан и предельно точно демонстрировать им реальные формы ее реализации.

Рассматриваемое направление сближения уголовно-исполнительной системы с социальными потребностями предполагает движение в сторону решения разнородных задач государственно-частного партнерства в сфере исполнения уголовных наказаний, результативной ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации осужденных, подготовки осужденных к решению патриотических и государственно важных задач, включенности потерпевшего от преступления в механизм обращения с осужденным, то есть наличие реальных шагов по направлению демонстрации ощутимой максимальной значимости пенитенциарной системы для общества и государства. Ведь хоть и титаническая работа по исправлению осужденных и предупреждению повторных преступлений ведется постоянно, но она остается невидимой частью айсберга для обычных людей. Целесообразно актуализировать видимую часть айсберга, представить ее крайне востребованной для общества, подчеркнуть доминирующую роль ФСИН России в решении этих задач.

Реализации данного направления необходимо подчинить применение средств исправления, трансформацию правового положения осужденных и правового статуса сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, дальнейшее развитие прогрессивной системы исполнения наказания, а также иные составляющие процесса исполнения уголовных наказаний. В рамках данного направления реализация уголовного наказания призвана создавать образ социальной солидарности и сплоченности, а прогрессивно развивающаяся пенитенциарная система укрепляет чувство порядка и безопасности. Иными словами, факт существования пенитенциарной системы должен приводить большинство граждан к чувству, что они находятся на стороне закона, нравственное выше и отделены от тех, кто представляет общественную опасность.

Вторым наиболее актуальным направлением является исправление осужденных. Возможно, именно сейчас необходимо подвергнуть научной ревизии теории ретрибутивизма и консеквенциализма на предмет их функционального переложения на современную российскую почву исполнения уголовных наказаний. Может быть, следует присмотреться к практической ценности теории коммуникативного ретрибутивизма, которая имеет следующие имманентные особенности: 1) является соответствующим уровнем знаний, на котором обобщаются и систематизируются научные разработки, имеющие прямое отношение к процессу исполнения уголовного наказания; 2) приоритет в реализации ее функций имеют наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества; 3) ее верификация возможна в условиях отбывания осужденным достаточно продолжительных сроков назначенного лишения свободы; 4) позволяет прогнозировать концептуальные направления развития пенитенциарной системы.

Применение уголовного наказания должно быть инклюзивным, то есть максимально плотно включать осужденного в процесс исправительного воздействия. В связи с этим

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

«непаханым полем» выступают такие смежные области научного анализа, как режимные особенности интрузивной работы с осужденными, применение индивидуальной программы обращения с осужденным, реализация института пробации (с учетом отложенного характера Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»), использование нарративных практик, расширение системы стимулов и льгот позитивного поведения, внедрение конкурсного отбора осужденных к условно-досрочному освобождению, трансформация прогрессивной системы, коллективные формы дисциплинарного воздействия, роль признания либо непризнания вины, а также раскаяния в совершенном деянии либо отсутствия такого раскаяния в характере и содержании возмездных притязаний государства к осужденному.

Обеспечение безопасности общества и предупреждение повторных преступлений можно обозначить как третье направление. Так, уголовно-исполнительная система взяла верный курс на переход от «режима кары» к «режиму безопасности». В связи с этим целесообразно продолжать исследования в области эффективности надзора и контроля за осужденными, включая обеспечение безопасности с использованием видеоаналитики и прогнозирования поведения осужденных, результативности обеспечения личной безопасности осужденных и персонала, оптимизации механизмов раздельного содержания разных категорий осужденных. Кроме того, крайне востребованными являются исследования в сфере особенностей обращения с отдельными категориями осужденных, а именно с лицами, отбывающими наказания за преступления экстремистской направленности и террористического характера, военнопленными, престарелыми осужденными и лицами, обладающими различными социальными особенностями. Отдельной областью исследований выступает анализ концептуальных основ, содержания и перспектив развития политики «враждебной пенологии».

Для решения достаточно масштабных и содержательных задач обеспечения безопасности общества, уголовно-исполнительной системы, участников уголовно-исполнительных отношений, а также предупреждения повторных преступлений осужденных требуется стратегическое планирование и использование конструктивных принципов, развивающих ведущий замысел и руководящие идеи исправительно-профилактического воздействия на лиц, в отношении которых вынесен и вступил в законную силу обвинительный приговор суда.

Крайне важно прорабатывать закрепленные в разделе II Концепции вызовы, стоящие перед уголовно-исполнительной системой, которые, в сущности, представляют собой неизбежные и полиструктурные угрозы, требующие неотлагательного противодействия. Сферой научных исследований должны охватываться не только закрепленные в указанном разделе вызовы, но и иные потенциальные угрозы и опасности, на которые необходимо реагировать для того, чтобы избежать разрушения общей архитектуры безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Фиксация новых вызовов в Концепции приближает к пониманию современного научного мейнстрима в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, содержания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых под стражей. Именно эти вызовы демонстрируют соответствующий научный прайс-лист перспективных и действительно востребованных исследований, отражают каркас основных разработок, имеющих явно прикладной характер. В свою очередь, противодействие рассматриваемым вызовам выступает основой дорожной карты безопасности уголовно-исполнительной системы.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

Полагаю, что в рамках обеспечения безопасности общества, уголовно-исполнительной системы и государства в целом высокоперспективным полем исследований выступает анализ парадигмы исполнения уголовных наказаний в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, то есть в так называемых экстремальных условиях.

Успешной реализации обозначенных направлений будет способствовать комплексный исследовательский подход, в рамках которого задействование различных отраслей знаний исключит непроработанность отдельных сторон конкретных научных проблем. В унисон этому обозначу, что укрупнение соответствующей научной специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки должно благоприятно отразиться на взаимной интеграции входящих в нее научных специализаций, включая уголовно-исполнительное право.

– Как Вы оцениваете современное состояние уголовно-исполнительной науки?

Наука уголовно-исполнительного права относится к той отрасли юридических знаний, которые в значительной степени взаимосвязаны и даже интегрированы в самые различные научные дисциплины. Ведь практически каждому представителю уголовно-исполнительной науки приходится сталкиваться, затем осваивать и впоследствии тесно «сотрудничать» с педагогикой, психологией, социологией, социальной работой, информационно-компьютерными, техническими и инженерными науками, медициной и т. п. Согласитесь, построение качественного механизма правового регулирования исполнения и отбывания лишения свободы в учреждении объединенного типа невозможно без глубокого осмысления архитектурных, экологических, управленческих, информационно-технологических и иных аспектов функционирования подобного комплекса. Примером широкого использования достижений различных отраслей знаний выступают итоги теоретического исследования «Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления», проведенного авторским коллективом в 2019 г. под руководством заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. И. Селиверстова, а также монографическое исследование «Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения», подготовленное авторским коллективом в 2022 г. под научной редакцией доктора юридических наук, профессора А. П. Скибы. Таким образом, можно очертить дальнейшие крайне прогрессивные перспективы «интегрированного» развития уголовно-исполнительной науки.

Уголовно-исполнительную науку можно рассматривать в контексте ее практических результатов. Она все чаще оказывает влияние на правовую ситуацию. Однако пока еще недостаточно хорошо налажены смычки между собственно научно обоснованными предложениями и законотворческим горнилом. Но поступательные движения в этом направлении делаются, и они становятся все более уверенными, действенными и конструктивными. Например, принятию Концепции предшествовала активная подготовка ее проектов (в частности, НИИ ФСИН России, Академией ФСИН России, рядом вузов ФСИН России) различными авторскими научно-исследовательскими коллективами, что позволило воплотить наиболее смелые, успешные и перспективные идеи в документе стратегического характера.

Как представляется, уголовно-исполнительная наука уже более не развивается «сама в себе», перестает быть исключительно «ведомственной». В уголовно-исполнительной науке можно обнаружить как устоявшиеся концепции и гипотезы, так и перспективные и еще не решенные проблемы и парадоксы, которые выходят за границы сугубо ведом-

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

ственных задач и становятся в том числе прерогативой академической науки и широкой научной общественности. Особенно ярко этот процесс подстегивает обсуждение вопросов, возникающих вокруг реализации положений Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Отмечу также, что уголовно-исполнительная наука фактически стала одним из факторов развития уголовно-исполнительной политики и законодательства. Следует согласиться с доктором юридических наук, доцентом Ф. В. Грушиным в том, что уголовно-исполнительная наука как фактор развития уголовно-исполнительной политики и законодательства проявляется при проведении научных исследований и их апробации в виде соответствующих экспериментов, во время проведения научно-представительских мероприятий с участием органов государственной власти, при разработке правовой доктрины, принимающей в этой сфере форму концепции или научно-теоретической модели, а также при подготовке проектов нормативных правовых актов или отзывов на них.

Кстати, мне могут резонно возразить, отмечая кризисное состояние уголовно-исполнительной науки. Но ведь существует распространенное мнение о том, что такое состояние свойственно практически всей юриспруденции. Для ответа приведу слова Юрия Андреевича Живаго – главного героя известного романа Бориса Пастернака: «Что гениально? Если бы кому-нибудь задали задачу создать новый мир, начать новое летоисчисление. Он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место... А тут, нате пожалуйста. Это небывалое чудо истории... Оно начато не с начала, а с середины, без наперед подобранных сроков... Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великое». Используя метод диалектического познания, позволю себе распространить указанный тезис и на современную науку уголовно-исполнительного права, которая, конечно, не с чистого листа пробивает себе дорогу к формированию своего собственного юридического мышления, преодолевая механистическую обыденность псевдонаучной риторики.

В настоящее время происходит постепенная пертурбация соответствующих научных школ. Наблюдается постепенный переход от централизации школ уголовно-исполнительного права в Рязани и Томске к децентрализации по вузам страны – в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Вологда, Нижний Новгород, Самара, Красноярск. Причем полагаю, что наравне с такими основными целями научной школы, как концентрация научной мысли и генерирование конструктивных предложений, особое место занимает популяризация уголовно-исполнительной науки и мотивация начинающих исследователей к работе над проблемами, входящими в ее предмет. Значительное влияние на оценку «взросления» научной школы оказывает ее анонсирование и продвижение сформированных идей в рамках активного обмена мнениями на различных конференциях, посвященных проблемам исполнения наказаний. В этом плане хочется отметить активную работу доктора юридических наук, профессора А. П. Скибы, идеи научных школ («Государственно-частное партнерство в уголовно-исполнительной системе», «Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения») которого успешно проникают в научную среду в процессе проведения научно-представительских мероприятий не только на ведущих университетских площадках (например, в рамках Международного пенитенциарного форума в Академии ФСИН России), но и на базе, в частности, Амурского государственного университета и Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

Таким образом, допустимо предположить, что наука уголовно-исполнительного права находится на новом очередном витке своего развития и продолжает расширять свое значимое место в системе юридической доктрины.

– Как Вы оцениваете действующий УИК РФ? Требуется ли его обновление или необходимо принять новый кодекс?

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации однозначно является достойным продолжателем и преемником отечественных традиций кодификации законодательства, регулирующего исполнение и отбывание уголовных наказаний, применение иных мер уголовно-правового характера.

В следующем году исполняется 100 лет с момента принятия Исправительно-трудового кодекса РСФСР, который во многом predetermined общую архитектуру основного источника законодательства в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний. За это время много воды утекло, но неизменной осталась идея структуризации данного нормативного источника, общая логика закрепления юридических установлений и основы юридической техники. ИТК РСФСР 1924 г., как и УИК РФ, синхронно отражает весьма кардинальные изменения в карательной политике молодого советского государства и уголовно-исполнительной политике современной России соответственно. Данные нормативные акты охватывают значительный период становления, развития и трансформации отечественной пенитенциарной системы, их объединяет схожая картина предшествующих сильнейших социально-экономических и культурно-идеологических потрясений. В силу этого УИК РФ, как и первый отечественный кодифицированный пенитенциарный акт, является официальным документом прорывного характера, призванным решить задачу формирования современной отечественной парадигмы исполнения уголовных наказаний. Полагаю, что решать эту задачу основному уголовно-исполнительному закону удастся и говорить о необходимости принятия нового кодекса пока не приходится.

Хотя, безусловно, требуется постепенное обновление ряда положений как Общей, так и Особой части УИК РФ. «Камертоном» такого обновления, которое должно быть нормативным эталоном для принятия других федеральных законов и подзаконного регулирования, выступают социальный заказ и государственные потребности. Следовательно, вполне логичными и обоснованными видятся дополнения и изменения в части нормативного правового регулирования обращения с осужденными военнопленными, лицами с различными формами личностной идентификации, за отдельные виды преступлений, а также относительно объективной оптимизации порядка и условий исполнения и отбывания осужденными отдельных видов уголовных наказаний, оснований и порядка освобождения от их отбывания, реализации различных пробационных инструментов.

В целом стоит согласиться с мнением ученых, которые предлагают в перспективе провести частичную ревизию структурного построения разделов и глав УИК РФ. Например, поддерживаю мнение заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В. А. Уткина о целесообразности создания в Общей части УИК РФ дополнительных обособленных блоков норм, во-первых, для наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ и, во-вторых, для так называемых альтернативных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

– Как Вы считаете, что можно позаимствовать в зарубежных странах для нашей уголовно-исполнительной системы? Или что мы можем предложить миру в качестве передового опыта в сфере исполнения наказаний?

Предварительно отмечу, что плюрализм теоретических воззрений на варианты стратегического развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

обуславливает необходимость обратить внимание на практическую апробацию различных зарубежных пенитенциарных моделей с целью их возможного проектирования на отечественную правовую систему. Научная оценка зарубежного опыта обеспечивает накопление соответствующих знаний и дает возможность для вероятного пересмотра тактических и стратегических направлений уголовно-исполнительной политики. Иными словами, исследование зарубежного опыта исполнения уголовных наказаний необходимо не только для того, чтобы можно было его позаимствовать, но и для того, чтобы понять, как не нужно поступать. Ведь декларируемое стремление России продолжать движение по пути социально-экономических и политических реформ указывает именно на критическое осмысление чужого позитивного опыта.

Компаративистский анализ позволяет констатировать в большинстве случаев систематические факты нарушения международных стандартов в области обращения с осужденными в государствах Европы и Северной Америки, что, во-первых, развеивает идеологический рефрен о европейском и американском пенитенциарном благополучии и исключительно образцовых моделях исполнения наказаний, во-вторых, формирует более адекватное представление о действительном состоянии функционирования исправительных учреждений зарубежных государств. Представляется, что вне концептуального понимания этих моментов отечественная модель обращения с осужденными рискует остаться во власти стихийных процессов слепого заимствования зарубежных и международных пенитенциарных стандартов, практик и эталонов, сплошных верификаций и экспериментов без необходимых смысловых ориентиров и исторически апробированных форм правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Давно нужно было стать реалистами, а не идеалистами в области оценки зарубежного пенитенциарного опыта.

В сравнительно-правовом аспекте значительный научный и практический интерес представляет так называемое неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем, которое является выражением политики компромисса в решении задач результативного исправления и реинтеграции осужденных, всемерного обеспечения личной, общественной и государственной безопасности. Наиболее важные тренды неолиберального развития пенальных практик, которые могут быть поучительными при реализации государственно-частного партнерства в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Например, мировая практика подтверждает факт того, что отсутствует непосредственная связь между уровнем преступности и карательными притязаниями государства, выражающимися в коэффициенте лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, но существует достаточно прочная связь между реализацией проектов государственно-частного партнерства и ростом системного нарушения прав осужденных. А ведь вопросы государственно-частного партнерства и даже приватизации в уголовно-исполнительной системе России в последнее время возникают достаточно часто.

Идеи пенального неолиберализма требуют пристального рассмотрения на фоне постепенного вхождения отечественной уголовно-исполнительной системы в новые экономические отношения с привилегированным участием предпринимательских структур, в которых все больше преобладает действие принципа свободного рынка, но снижается роль государства в социальном обеспечении. Кроме того, целесообразно присмотреться к проектам «тюрем быстрого строительства» и «тюремной экологии», что достаточно актуально в разрезе достижения одной из основных целей Федеральной службы исполнения наказаний – ликвидации низкой экономической нецелесообразности и ветхости исправительных учреждений, их географически и климатически неблагоприятного рас-

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

положения. В свою очередь, концепция «суперразмерных тюрем» представляет интерес с позиций ввода в действие учреждений объединенного типа.

Однако нам крайне важно не пойти по американскому пути карцеральной гиперинфляции и лишь только утилитарного подхода к наказанию. Ведь Россия действует в полном соответствии с международным пенитенциарным правом и соблюдает положения Конвенции 1930 г. Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда», согласно которой лица, отбывающие наказания в местах лишения свободы, не могут быть уступлены или переданы в распоряжение частных физических или юридических лиц. Оценивая имеющую место в некоторых зарубежных странах практику крайне высокого удельного веса лиц, содержащихся в местах изоляции от общества, мы не должны допустить ситуацию, при которой осужденный приобретает свойство потребительского товара, а его безопасность – коммерческого продукта. Не могу пропустить феномен тюрьмы Гуантанамо. Так, пресловутая экстерриториальность и якобы внеправовое пространство территории данного тюремного учреждения фактически позволяет нарушать международно-правовые стандарты в области обращения с лицами, изолированными от общества, реализовывать пыточные методы работы с осужденными. Подобная практика может демонстрировать лишь одно – недопустимость ее копирования!

Кроме того, чтобы не наступать на одни и те же грабли дважды в условиях ужесточения борьбы с наркопреступностью и одновременного усиления мер обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, будет не лишним ознакомиться со стратегиями «война с наркотиками», «закон и порядок» и «сокращение вреда». Именно сейчас крайне актуальным видится анализ пенитенциарной политики «нулевой терпимости» и практики ее реализации в условиях так называемого умного реагирования на преступность.

В рамках данного вопроса отмечу, что изучение зарубежных пенологических теорий имеет не только гносеологическое, но и сугубо практическое значение. Идеи, которые закладываются в отечественную уголовно-исполнительную политику, например, через реализацию Концепции, имеют или, по крайней мере, должны иметь научно-теоретическое обоснование. Так, предусмотренный Концепцией клиентоцентричный подход должен предполагать не простую «смену вывески», а глубокий анализ соответствующих научных изысканий в области прав человека и теории управления. В связи с этим, например, теория «новой социальной защиты» никогда не утратит своей актуальности и востребованности. Изучение соответствующих теорий позволяет расширить область соприкосновения со скрытой сферой еще не обнаруженных, но объективно существующих социальных потребностей и закономерностей противодействия преступности.

– Как Вы считаете, в связи с фактическим разрывом отношений с Евросоюзом, уходом из-под юрисдикции ЕСПЧ, каковы перспективы контроля за соблюдением прав осужденных в России?

Полагаю, что во многом такой разрыв отношений является закономерным результатом. Европейские судебные и инспекционные органы разделяют общие принципы концепта «глобальной справедливости». Уже давно наблюдается движение Европейского Суда по правам человека в сторону практической реализации данного концепта и постепенное расширение влияния решений этого судебного органа на необходимость корректировки национального законодательства государств Европы. Под напором такой преторианской деятельности фактически происходит размывание национального законодательного суверенитета. Нужно ли это Российской Федерации? Ответ очевиден.

Кроме того, для российского исследователя термин «справедливость» не отождествляется с категорией «юстиция», тогда как в западной правовой ментальности эти термины практически тождественны. Когда речь ведется о том, что ЕСПЧ действует сообразно с идеей «глобальной справедливости», то мы пытались найти оттенки нравственности и морали в соответствующих решениях данного судебного органа, тогда как на самом деле эти решения отражают формальные аспекты рассмотрения конкретного дела. Подспудно именно эти причины привели к тому облегчению, которое мы испытали после выхода из Совета Европы.

Однако в условиях существования небезосновательного мнения о целесообразности создания Суда по правам человека на уровне Содружества Независимых Государств можно обратить внимание на опыт становления и развития ЕСПЧ, а также на особенности того, как данный судебный орган функционально «уживается» с деятельностью Суда Европейского союза. Крайне интересно проследить субсидиарную практику правозащитных инициатив данных квазиконституционных судебных органов, поскольку это реально существующая модель интеграционных отношений между политическим объединением государств в решении непростых задач современной пенологии.

Относительно перспектив контроля за соблюдением прав осужденных в России скажу, что в настоящее время отсутствует необходимость в институционализации каких-либо дополнительных правозащитных органов (например, уполномоченного по правам осужденных), поскольку имеется значительный перечень контрольно-правозащитных инстанций. Законодательного пробела в этой области также нет. Принятый в 2020 г. Федеральный закон «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» расширил правозащитные возможности регионов страны.

Как представляется, перспективная модель контрольно-правозащитной деятельности должна развиваться по пути упрочения существующих прав осужденных, но не в направлении оптимизации предоставления средств правовой защиты тех прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, которые как снежный ком наполняют правоприменительную уголовно-исполнительную практику.

– Как Вы относитесь к введению в России системы пробации?

Принятие в этом году Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» ознаменовало не только новый виток правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере организации и функционирования системы пробации, но и закрепление, по сути, методологического каркаса реализации мер, применяемых в отношении осужденных лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

Пробация является комплексным институтом права и самым тесным образом связана с иными общественными отношениями, в частности, трудовыми, образовательными, социального обеспечения. Следовательно, можно прогнозировать значительные трудности в реализации системы пробации. Тот факт, что обозначенный Закон приобретает юридическую силу в особом, или, иначе, «отложенном», порядке, свидетельствует о ряде определенных специфических моментов, связанных с содержанием Закона и тех общественных отношений, которые выступают предметом его правового регулирования. Такой порядок вступления нормативного правового акта в силу обусловлен особыми социально-правовыми реалиями и экономическими потребностями, которые сводятся к необходимости гармонизации и трансформации значительного объема правовых

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

актов, в том числе подзаконного уровня, создания должных социально-экономических условий и организационно-обеспечительных механизмов для фактического внедрения в действие положений Закона о пробации.

В целом я положительно оцениваю введение системы пробации в России. В настоящее время работаю над некоторыми аспектами правового регулирования пробации. Считаю, что это достаточно интересная и перспективная область научных изысканий. Призываю обратить внимание научной общественности на существование значительного научно-исследовательского объема работы над процессом запуска на полную силу положений рассматриваемого нормативного правового акта, целесообразность подключения к этому заинтересованных представителей общественных институтов, что позволит глубже проникнуть в соответствующие проблемы, возникающие в рамках пробационных отношений, и оптимизировать действенную реализацию соответствующих правовых установок.

– Что бы Вы могли посоветовать молодым ученым, которые только начинают свой научный путь? Как им пройти все стадии с учетом современных трудностей, связанных с защитой диссертации?

Посоветовать могу формировать мотивацию к научно-исследовательской деятельности. Трудности, связанные с подготовкой и защитой диссертации, были, есть и будут, но их преодоление зависит от упорства и настойчивости в достижении поставленной цели. А вот как сформировать подобную мотивацию – это уже личное дело каждого. Причем комфортные и благоприятные условия подготовки диссертации или иного вида научной работы не являются гарантией успеха именно в силу отсутствия личной мотивации. В свою очередь, исследователь с сильной внутренней мотивацией способен, как говорится, свернуть горы и защитить диссертацию, невзирая на все трудности.

При написании диссертационного исследования также рекомендую придерживаться принципа «хотя бы строчку, но каждый день», то есть работать планомерно, а не рывками. Практика показывает, что очень часто желание форсировать упущенное в выходные дни или в отпуске так и остается только желанием и несбывшимися надеждами.

– Хотите ли сами что-то добавить для читателей нашего журнала?

Прошу ценить научных руководителей, любить свою работу, уважать труд коллег и придерживаться слогана: «Хочешь брать научные вершины – все время иди вверх!»

Информация об авторе

Н. С. Малолеткина – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин.

Information about the author

N. S. Maloletkina – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.